

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XI.
(1895 - 1901.)

St.-Petersbourg, 1901.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
1896. Avril. T. IV, № 4.)

**Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ
Тырѣ, близъ устья Амура.**

В. Васильева.

(Доложено въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія 14-го февраля 1896 г.)

Вскорѣ (1856 г.) по открытіи Амура для проѣзда русскихъ судовъ, невдалекѣ отъ его устья (около 95 верстѣ), на отвѣсно возвышающейся на берегу скалѣ, называемой Тырѣ, усмотрѣны были два памятника. По снятымъ съ нихъ плохо надписямъ на китайскомъ языкѣ сначала можно было узнать только, что они поставлены въ ознаменованіе постройки буддійской кумирни, которая была разрушена и потомъ вновь сооружена. Снимки были такъ дурны и неполны, что болѣе ничего нельзя было разобрать. Прибывшій на дняхъ изъ Владивостока коммерціи совѣтникъ М. Г. Шевелевъ показалъ мнѣ вновь сдѣланные имъ самимъ, по придуманному имъ же способу¹⁾, снимки съ обоихъ памятниковъ. Хотя нѣкоторыя мѣста и оказываются неразобранными, но все же можно уже опредѣлить главное содержаніе. Кумирня Юнь нинъ сы (вѣчнаго спокойствія) построена была, какъ оказывается, въ 11-й годъ правленія минскаго императора Юнь-ло (1413 г.) въ странѣ (букв. въ государствѣ) Нургань, обитаемой народомъ Цзи-мэ-ли. Первые попытки проникнуть въ нее, по словамъ памятниковъ, были будто сдѣланы еще при первомъ минскомъ императорѣ Хунь-ву (1368—1398), но безуспѣшно; только въ 1411 году весной отправленъ былъ туда придворный чиновникъ (евнухъ *тай-цзянь*, какъ названъ онъ въ другомъ мѣстѣ) Ишиха (имя, отзывающееся маньчжурскимъ или солонскимъ говоромъ) съ 1000 слишкомъ правительственныхъ (т. е. чисто-китайскихъ?) солдатъ на 55 большихъ судахъ; онъ ввелъ тамъ мѣстное управленіе: Нургань преобразована была въ губернію Ду-сы, въ которой введены получившіе и печати и всякаго рода чины (тысячники, сотники и проч.) — разумѣется, все изъ мѣстныхъ инородцевъ, потому что сказано: велѣлъ имъ самимъ

1) Испытавъ всѣ извѣстные способы, и не добившись желаннаго результата, г. Шевелевъ покрылъ памятники бѣлизнами и когда они впитались и засохли, онъ стеръ ихъ каткомъ съ поверхности такъ что остались уцѣлѣвшими только іероглифы.

управляться. Такое присоединеніе было совершено однако, какъ видно изъ словъ памятника, не силой оружія, а щедрыми подарками; Ишиха, кромѣ пышнаго угощенія, раздавалъ какъ жителямъ Нурганъ, такъ и варварамъ Ку (-и), жившимъ за моремъ (т. е. на островѣ Сахалинѣ), платье, хлѣбъ и хозяйственныя принадлежности. Какъ видно, китайское правительство изъ желанія водворить тамъ и гражданственность построило настоящую кумирню для насажденія, какъ сказано, просвѣщенія. На западъ отъ Нурганъ, говорится въ памятникѣ, находилась станція Маньцзинъ, налево отъ нея находится высокая и красивая гора; на вершинѣ-то ея и былъ поставленъ храмъ (въ честь) Гуань-инь (Хоншимъ бодясатва, Авалокитешвара), въ которомъ, сказано въ другомъ памятникѣ, каждое первое и пятнадцатое число чиновники . . . (вѣроятно, должны были участвовать при богослуженіи или поучать народъ). Но эти просвѣтительныя надежды, какъ видно, едва ли осуществились, потому что другой памятникъ, вновь уже въ 1433 г. построенной кумирни, слѣдовательно только чрезъ 20 лѣтъ послѣ первой постройки, говоритъ, что богдоханъ (вѣроятно, новый: — Сюань-цзунъ 1416—1425) отправилъ уже опять того же Ишиха уже съ 2000 войска. Они нашли только одна развалины кумирни, и упоминаніе о томъ, что жители испугались, что ихъ перебьютъ, показываетъ, что разрушеніе первой кумирни произошло не отъ физическихъ причинъ. Ишиха вмѣсто наказанія обласкалъ всѣхъ; послѣдовало новое угощеніе — и всѣ поклялись быть покорными.

Разумѣется, на обоихъ памятникахъ не обошлось безъ восхваленія правящаго дома (династіи Минъ). Богдоханы ставятся даже выше знаменитыхъ Яо и Шуня, которые управляли только девятью провинціями собственнаго Китая. Во всякомъ случаѣ такое проявленіе власти или вліянія, или, вообще, значеніе минской династіи на устьѣ Амура не было такъ ясно опредѣлено въ исторіи Маньчжуріи. Кромѣ того и другія фразы памятниковъ подадутъ поводъ къ изысканіямъ и объясненіямъ. Такъ, можетъ быть, придуть къ предположенію, что и имя перваго основателя нынѣшней династіи Нурхаца дано было ему по поводу происхожденія изъ Нурганъ близкаго къ Нингутѣ, откуда до сихъ поръ производятъ этотъ родъ²⁾.

Все это дѣло будущности. Можетъ быть, г. Шевелевъ, какъ знатокъ китайскаго языка, и самъ издастъ свои снимки — да я бы и не утруждалъ упоминаемъ о нихъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не открылось совершенно

2) Если названіе Гиринь произошло отъ вышеупомянутаго Цилимэ (какъ я полагаю, вмѣсто Ци-мѣ-ли), то можетъ быть эти два слова: Нурхаца и Гилимэ укажутъ на движеніе маньчжуръ, вытѣсненныхъ монголами съ юга обратно на прежнюю родину съ помощью Минской династіи, боявшейся монголовъ и павшей отъ покровительстваемыхъ ею же инородцевъ.

не предполагавшееся въ исторіи извѣстіе. Первый памятникъ, кромѣ китайскаго текста, содержитъ еще и вѣроятный переводъ его на монгольскомъ и чжурчжэньскомъ языкахъ. Что письма перваго дошли и до нашего времени, это извѣстно; но, чтобы чжурчжэньское письмо употреблялось еще въ Маньчжуріи чрезъ 200 лѣтъ послѣ паденія, введшей это письмо, маньчжурской династіи, извѣстной подъ Чжурчжэнь (послѣ искаженное въ Нюйчжэнь и потомъ еще въ Нюйчжи у Карамзина, Шучи) — вотъ чего никакъ нельзя было предполагать и *что я постигшигъ здѣсь со-общить*. Киданьское и чжурчжэньское письма составлены были изъ частей, входящихъ въ составъ китайскихъ іероглифовъ, но не въ ихъ цѣлости; съ перваго раза такъ и думаешь, что можешь разобрать, а станешь разсматривать, оказывается, что такого іероглифа нѣтъ. Нечего и говорить, что уже потому, что въ Монголіи, какъ показываютъ уйгурскіе памятники, уже съ 8-го вѣка извѣстно было алфавитное письмо, можно было предположить, что такая вычурная комбинація какъ киданьскія и чжурчжэньскія письма исчезла съ паденіемъ тѣхъ династій, которыя ее ввели, хотя и издавали книги. Зная о силѣ и продолжительности существованія монгольской династіи можно было предполагать, что въ краю, близкомъ къ ея родинѣ, всего скорѣе исчезла комбинація. При томъ намъ извѣстно, что настоящая династія, до введенія собственнаго алфавита, прибѣгала въ перепискахъ къ монгольскому языку; это тоже поддерживало увѣренность, что древнее маньчжурское письмо никѣмъ болѣе не употреблялось.

NB. Съ своими слабыми глазами я отказываюсь разбирать какъ чжурчжэньское, такъ и монгольское письмо; да это и отвлекло бы меня опять далеко отъ главныхъ занятій (2-я часть Буддизма). Но я увѣренъ, что если монгольскій и чжурчжэньскій текстъ содержатъ переводъ съ китайскаго, то это не составитъ труда для знающихъ эти языки. Въ первой строкѣ китайскаго текста мы находимъ три раза повтореніе одной и той же фразы: *почему и можетъ* (гу и нынь).

3) Пока для образчика мы можемъ привести въ Чжурчжэньской перепискѣ извѣстную молитву: Омъ, Мани Падмэ Хумъ, написанную по бокамъ памятника:

矣 亦 杀 芬 兵 甫

